

И.А. МОРОЗОВ
(Москва)

КУКЛА В ТРАДИЦИОННОМ СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ

Кукла была одним из наиболее ярких вещественных символов, употреблявшихся в традиционной свадьбе. Являясь своеобразным предметом-двойником, alter ego основных действующих лиц, она несла в себе мощный заряд архаической семантики, отсылая к древним представлениям о духах-покровителях, об инкарнациях души и мифах о сотворении человека. Мы рассмотрим основные ипостаси куклы в традиционном русском свадебном обряде – чрезвычайно разнообразном и генетически неоднородном, имеющем на различных территориях проживания русских разные этнокультурные корни. Отсюда огромное разнообразие форм и представленных в нем функций куклы.

На большей части этнотерритории русских кукла выступала в качестве непременного атрибута девушки-невесты, а иногда и как часть ее приданого, причем при игре с ней могла имитироваться подготовка к замужеству. «*Кышэли раньш были. Вот ыт кышэля крышка, и всё сложэна была: вот кукли постель, всё это, как утирки нарезана, всё эта, скатертьти. Всё эт приготовлено, вроде, было. Всё сделана – кукла сделана, припасёна всё была: ыдеялы, <...> вот этих, утирычкыв нарезали, тряпки, всё эта. Вот эта замуж выходила – всё эта кукла у меня (в Спасове. – Соб.) была. Иё на "куст" взяли, а потом оставили у жэниха, и жэниховы сродники и рострёпали, чай, куды» (зап. от Надежды Николаевны Каргиной, 1914 г., с. Кирзять Сурского р-на Ульяновской обл. [СИС Ф 2000-17 Ульян., № 31]). «Чай, бывала, кукалки были. Мы и шыли их, и всё сами. Всё вон. У миня была вот этикай яшишк (большой. – Соб.). Да. И там была и "нивеста", там был и "жыних". Да. Там и пастель была – всё была. Вот и играли...» (зап. от Зинаиды Тимофеевны Желудковой, 1917 г., с. Араповка Сурского р-на Ульяновской обл. [МИА 76 оп: Ф 2000-23 Ульян., № 41]).*

В некоторых случаях это было связано с ранними браками. Малолетние невесты порой везли к жениху кроме сундуков с приданым коробки с куклами, что стало основанием для многочисленных народных анекдотов, шуток-поддевок («у нёё жонка ишишо в куклы играёт») и частушек:

*У меня на сарафане
Золотые буквы.
Ко мне сватались сваты,
А я играла в куклы*
(зап. от Валентины Михайловны Смирновой, 1917 г.р., с. Парfenьево Костромской обл., урож. д. Свателово Парфеньевского р-на [МИА 66 оп: Ф 1996-09 Костр., № 78]).

Формула: «*Наша невеста еще в куклы играет!*» – могла служить шуточной формой отказа при сватовстве (зап. от Милитины Арсеньевны Парамоновой, 1908 г.р., д. Ложково Парфеньевского р-на Костромской обл., урож. д. Старово [МИА 66 оп: Ф 1996-02 Костр., № 65].

Корреспондент Тенишевского бюро И. Рождественский приводит рассказ 92-летней бабушки, как ее выдали замуж в 13 лет за 14-летнего парня и она «долго не понимала отношений между мужем и женой и, считая себя малолетней девушкой, по праздникам долго играла в доме мужа в куклы» [Рождественский 1899]. Эту сторону традиционного отношения к куклам хорошо иллюстрирует воспоминание, цитируемое Г.Л. Дайн: «Моя бабушка Прасковья пошла замуж четырнадцать лет и кукол всех с собой забрала. Целую корзину этого добра привезла в дом жениха. И рассказывала потом, что свекор строго всем домашним наказал не доглядывать и не смеяться над молодой, когда она тихонько пряталась на чердак, чтобы поиграть в свои куклы. Потом их снова оттуда достали, уже для ее детей» (зап. от Е.Л. Травниковой, д. Щеколдино Любимского у. Ярославской губ. [Дайн 1981, 36]). Столь бережное отношение к детской игрушке глубоко мотивировано. Известна примета: если девочка много играет в куклы, то «девок нарожает». «*Вот и говорили: "Кукольница, дак кукольница и будет". Я говорю: "Я кукольница и наносила пятерых dochek"*» (зап. от Анны Ивановны Мазиной, 1907 г.р., д. Красное Грязовецкого р-на Воло-

Куколка «невеста» (с. Ясачный Сызган Базарно-Сызганского р-на Ульяновской обл.), предназначенная для свадебного деревца. При изготовлении использованы настоящие волосы.

годской обл. [СИС Ф 1997-02 Волог., № 124]). В этом контексте кукла оказывается не менее ценной частью наследства, чем прочее «добрь» (одежда, скот).

Нередко куколки являлись элементом украшения свадебного экипажа. «*Када невесту берут, и на машину ставят куклу ей падружки. И раньши! Налашиядх. Раньши вить на лашыядх-ах! И ей куклы брали, сшиты куклы, а всё равно брали. Куклы, прямая две куклы сшиты вот такие вот (до локтя. – Соб.). В цэрьку съезжают там, а патом привезут вот, ды, чай, атпадут дитям, ани играют...*» (зап. от Натальи Михайловны Макариной, 1918 г.р., д. Воскресеновка Радищевского р-на Ульяновской обл. [МИА 75 оп: Ф 1999-26 Ульян., № 13]). В ст. Незлобная Новопавловского р-на Ставропольского края свадебную куклу «в руках несли. А нет – вон на падводе едуть и малых везутъ, и кукла с ними, и всё. Да, привезутъ, панимаешь ты, сами садяца за стол пить, а иё иде-нибудь у угл пастаютъ» (зап. от Ионы Васильевича Сидорова, 1903 г.р., ст. Незлобная Новопавловского

1991-01 Тер., № 31]). В с. Алгасово Моршанского р-на Тамбовской обл. выпеченные из теста куколки выставлялись под иконы («на угольник»), когда приезжал жених со свадебным поездом, чтобы ехать под венец («нивесту бярутъ») (зап. от Ефросиньи Дмитриевны Батановой, 1914 г.р., с. Парсаты Шацкого р-на Рязанской обл. [МИА 46 оп: Ф 1997-30 Ряз., № 87]).

Один из примеров осмыслиения куклы как принадлежности девушки-невесты можно найти в севернорусской сказке «Сестра-убийца» с мотивом инцеста. Здесь убитая сестра приходит к родному дому и просит:

Брателко, брателко!
Отворь ворота, отворь широки!
Первы волки через тын глядят,
Вторы волки через лес глядят,
Треты волки съись хотят,
По ручкам, по ножкам,
По ретивому сердечку.

Братья выходят и, не узнав сестру, требуют от нее, чтобы она назвала кого-либо из них мужем. Та вынуждена согласиться. Войдя в дом, сестра-покойница проходит в «шолныши», т.е. небольшое помещение за печью, предназначеннное для сна и хранения различного домашнего скарба, и изготавливает там две куколки. «Эти куколки выскочили, на порог сели, поскакивают и выговаривают:

Стыд да страм!
Брат сестру
На место зовёт,
Жоной почитат.

Она тут сидела, сидела, да и сквозь землю просела» (зап. Н.Е. Ончуковым от М.А. Чурсановой, с. Среднее Бугаево, р. Печора, урож. д. Белощельская, р. Мезень [Ончуков 1998, 185]).

В данном случае мы сталкиваемся с очень характерным и важным для «кукольной темы» мотивом двойничества, когда кукла выступает в качестве копии человека и / или вещи-медиатора, которая помогает человеку осуществлять контакт с потусторонним миром либо заменяет его в ситуациях, связанных со смертельной опасностью или утратой / сменой статуса в лиминальной фазе.

Пелагея Ивановна Миллионова, 1916 г.р., и Агафья Николаевна Фокина, 1913 г.р., обе родились и проживают в с. Ясачный Сызган Базарно-Сызганского р-на Ульяновской обл., демонстрируют изготовленную ими свадебную куколку.

Вместе с тем кукла являлась воплощением «семейного духа», т.е. той субстанции, которая объединяла кровных родственников (в более архаических версиях, если судить по другим традициям, – родственников по материнской линии). Пережиточной формой этих представлений можно считать встречающийся у русских обычай передавать игровые куколки девушкин-невест младшим родным или двоюродным сестрам: «*С собой-та не брали. Атдавали там ищё уминя, быть можыт, сястра есть...*» (зап. от Анны Алексеевны Бартуковой, 1908 г.р., с. Палатово Инзенского р-на Ульяновской обл. [СИС Ф 2000-06 Ульян., № 57]).

В традиционном свадебном обряде наиболее репрезентативным символом «девичьей красоты», или «девичьей чести», при оформлении которого часто использовались куклы, являлось свадебное деревце (см., напр.: [Бернштам 1982, 56–58; Шаповалова 1984; Денисова 1995, 57–95]). Этот предмет фигурировал в самых ярких эпизодах свадьбы: прощание невесты с родным домом, близкими родственниками и подругами, выкуп невесты, одаривание и угождение родственников, их выпроваживание и, наконец,

оповещение о «честности» невесты. В региональных версиях обряда были представлены, как правило, один-два эпизода из этого ряда.

Наиболее распространенная локализация свадебного деревца – на свадебном столе, как правило напротив молодых, нередко на свадебном каравае или пироге. В ряде регионов аналогом свадебного деревца служили метла или банный веник, игравший важную роль в ключевом обряде «баня невесты». «*Веник наряжали! Всё вешали на веник: тряпак, игрушак, всёё навешали. Были и куклы – из тряпак сшыты...*» (зап. от Прасковьи Павловны Красильниковой, 1912 г.р., с. Ждамерово Сурского р-на Ульяновской обл. [МИА 76 оп: Ф 2000-28 Ульян., № 23]).

В качестве атрибута свадебного деревца кукла чаще всего фигурировала в таком ключевом эпизоде, как «выкуп невесты», или «выкуп девьей красоты», у девушек-подруг. Она обычно украшала верхушку «ёлочки», которую приносили подруги невесты. «*С кустом вот мы. Наряжам куст и идём на сялу с кустом. Вон ёлку срубим, да ленты в наряжым. Куклу делали – "невесту". Если*

Подруга невесты со свадебным караваем «роща»
(с. Варваренки Перемышленского у. Калужской губ., 1929 г.). Фототека РЭМ.

хто купит, а то сашьёшь. Раньши шили, шили. Залы вот накладёшь в голаву-ту. Вот тут падвядут глазки, носик сделают. Да. Вот платьица сашьют. Тагда шить-то не из чева была! На самую коковку-ту (на кончик. – Соб.) сосны-ти поставят. Да. Вот и идёшь с ней. К жиниху-ту придут, иё развязнут, "нивесту" вазьмут. Ну, там атадут ане каму: племяннице, внучке ли – там каму. Рибитишкам атададут. Вот у них, у жиниха, пабудим, патом идём дамой...» (зап. от Антонины Васильевны Кожаевой, 1928 г.р., и Пелагеи Трофимовны Куклевой, 1919 г.р., с. Кирзять Сурского р-на Ульяновской обл., урож. с. Кадышево Карсунского р-на [СИС Ф 2000-16 Ульян., № 30-32]). Кукла нередко упоминается и в исполняющихся во время этого обряда приговорах и песнях:

На нашей елочке,
На золотой верховочке
Сидит кукла,
Она не смотрит в кут,
Она смотрит тут,
Где денежки кладут
[Шаповалова, Лаврентьева 1985, 154].

Кукла соотносилась с самой невестой, о чем свидетельствовал и ее наряд. В каждом селе существовали мастерицы, к которым при необходимости обращались с просьбой изготовить куклу. Наиболее искусно выполненные обрядовые куколки обычно хранились много лет, переходя со свадьбы на свадьбу. «Да. Моя кукла, она ходила, чай, все эта кукла пы сёлу, пы сёлу. Хто иё брать будут, бярёг, (потом. – Соб.) принёсут назад. Ишио и я эту свою-т куклу, я иё ни вытдавала татем, низнатемним, низнакомыму... <...> Красива кукла, интересна. Вот отцов эт дядя, он, бывала, покойный, скажэт матери нашэй: "Ну, кума, будит рукodelьница! Из её рук ничё не выбьецца!"...» (зап. от Надежды Николаевны Каргиной, 1914 г.р., с. Кирзять Сурского р-на Ульяновской обл. [СИС·Ф 2000-17 Ульян., № 31]).

В некоторых случаях кукла – «девья красота» – употреблялась отдельно от свадебного деревца. «"Уряженная" бусами, лентами, серебряными цепочками кукла движется на подносе по свадебному столу под приговор: "Раздайся, народ, девья красота идет ко столу дубовому, ко есть вам сахарным!"» [Материалы по свадьбе 1926, 142, 144].

В Вологодской обл. с «ёлочкой» обычно приносили куколку «зайчика» (см., напр.: [По заветам старины 1997, 63, 64]), которая изображала то невесту, то жениха – это видно и по сопровождавшим обряд приговорам, и по логике обряда. «Вот так вот сделаем из платка из носовоо "зайчика". Вот. Ну, вот похожово на зайчика. И влипим эти, иговки вязовные ножсками (в качестве ножек. – Соб.) и поставим на таревку. И сделаем как бы повыше. А жоних довжэн это-во зайца засыпать пряниками. Вот поднесёшь-то. Што я в этом участвовала, дак я этот стишок не забыла. Вот и подойдёшь ко столу: тут жоних, тут мысяцкой, тут сваши сидят – свахи. Вот им от и кланяессе стоишь:

– Здравствуйте, князь молодой,
Тысяцкой большой,
Уж и сваши, свашиэньки,
Полюбовные гостейки,
Нельзя ли к вашэму столу
Подойти, подступитисе,
Понижэ поклонитисе.

*Повежливее побаати?
Князь молодой,
Зайчиком поиграй,
Заюшка не ломай!
У нас заюшко простой, маленькой,
Воровой, лёгонькой,
На дубовой стов скоцив,
Лапку в масло обмоцив,
На другой поторопивсе –
Цють и весь не потопивсе.
Мы за зайчиком бежали,
Пенья, колоды ломали,
(вар.: Пень о колоду ломали)
Все подолы оборвали,
Снаряжали, набашали,
К вам на свадьбу отряжали.*

Вот. Вот и жоних этово "зайчика" довжэн прянниками засыпать – вот на такой на болицай таревке. И от мы с девками, вот с молодухами эти преницыки роздилим и идим. Это заработали...» (зап. в 1992 г. от Анисы Ивановны Петровой, 1911 г.р., д. Кортотыгинская Вожегодского р-на Вологодской обл. [МИА 22: 16а]). «"Заюшко" подносили. Дак вот все сядут тутока за стов – приедут по невесту-то. А невесты-то ешио нет. Невесту зовлиают ешио переболокацице. Дак вот другая девка идёт и подносит "заюшко"-то набашоный, с бусами, усажон на таревке, на шовковом полуshawke. От и подносит:

*Ножки с подходом,
Руцьки с приносом,
Голова с приклоном,
Езык с приговором.
– Здравствуйте, кнезья-бояри,
Все и поэзжана,
Свашки и сваишэнки,
Цины ли цэрковные,
А гости полюбовные,
Лъзя ли к вашому столу
Подойти, подступицице,
Низко поклоницице.
Поговорить, побаять повежливее?
Есть ли про нашово заюшко мистецько?
У нас заюшко не большой, не маленькой,
Воровой, лёгонькой,
На тарелоцьку скоцив,
Лапки в масло обмоцив,
Побежав, поторопивсе –
Цють и в грязь не обмоцивсе.*

*Мы за заюшком бежали,
Пенья-коренъя ломали,
Руцьки оцепали,
Заюшко поймали,
На тарелоцьку посадили,
Пред молодово кнезя подошли,
Под Ивана Александровица:
– На, на заюшко погледи
Да за заюшко заплати
Миллионов шесть,
Нет – дак и восемь,
Наши девушки не бросят.*

Да вот "заюшко" этово возьмут – ранше полавки-ти были – полавошников положат, этово "заюшку" на полавошник поставят. Которая "заюшко" подносила, эта подойдёт, жониха за уши зафатит, крест-на-крёст пощелует, "заюшка" и снимает. От по всему "поезду" и носят, поезжана и кладут на "заюшку" деньги... Он (жених. – Соб.) подаёт тебе "заюшка", ты каждому и подносишь заюшко. А на "заюшка" деньги кладут... <Потом> "заюшко" девки забирают – домой понесли...» (зап. в 1992 г. от Надежды Фроловны Скороходовой, 1906 г.р., д. Сорогинская Вожегодского р-на Вологодской обл., урож. д. Сендинская [МИА 22: 49, 49об.]).

Конструкция «зайчика» варьировалась даже в пределах одной местности. Это могла быть куколка из тряпок, набитая куделью или обвернутая ватой, свернутый особым способом платок или кусок заячьей шкурки, иногда деревянная фигурка. Особо отмечаются украшения из бус, бисера, пуговиц. «Девки на девишинке "зайчика" носят. Тебе стакан пива нальют и поют: "Нам сказали, што Иванушко богатый". Невеста нальёт стакан пива, ты кладёшь на "заюшку" деньги. Весь бусеринами убашон светлыми, вместо глаз красные пуговицы, хвостик белой, сам "заюшко" зелёный. Надо, чтобы ево заклали деньгами...» (зап. в 1992 г. от Василия Александровича Сошина, 1907 г.р., д. Пантелеевская Вожегодского р-на Вологодской обл. [МИА 22: 40]).

В Костромской и Ярославской обл. такого рода куколку изготавливали из платка: «Какую-нибудь куколку, али зайчика, али собачку, али кошечку из носового платка <сделают> и валяют <ее на стол> – не жениху, а поезжанам. Песню поют и валяют. А за

эти куколки кто деньги, кто чего давали...» (д. Балаболиха Шарьинского р-на Костромской обл. [Ветлужская сторона 1996, 101]). «*Наредят зайчика, из носовика сделают и бросят жениху. Вот такие два ушка, вот такой он маленькой бывав вот такой. Вот его и бросят: "Зайчик белой прибежав!".* Вот и выкупает там жених зайчика. А то к гостям кинут "зайчика" этова. Всякие причуды были ведь! <...> Кричали как-то: "Жених с невестой, – как-то, – зайчика не выкупите, дак житья не будёт хорошева!". Вот и жених выкупав, там давав подарок. Денёг скольки ли, чево ли этим, "гледящим", в "зайчика" завязывали. А "зайчик" обратно бросали. А потом и гостям зачнут кидать. И насбирают, потом и... "Зайчика"-то, было, ждала...» (зап. в 1998 г. от Екатерины Александровны Пушкиревой, 1924 г.р., д. Займа Пошехонского р-на Ярославской обл. [МИА 71оп: Ф 1998-46 Яр., № 21, 22]).

С «зайчиком» могло быть связано обрядовое бесчинство, пародировавшее соответствующий обряд: если хотели посмеяться над молодыми или были недовольны угощением для «посторонних», бросали на стол свернутый в виде «зайчика» платок, который набивали нечистотами. «*Нашой матери кинували вон чево! Оне нагадят, нагадят в платок, да и кинут. Вот этот "зайчик" завярнут, да и прямо на стол...*» (зап. в 1998 г. от Анны Федоровны Никифоровой, 1919 г.р., д. Береняки Пошехонского р-на Ярославской обл., урож. д. Волоково [МИА 71оп: Ф 1998-47 Яр., № 38]).

Эта вещь маркировала очень важный этап жизненного пути большинства рассказчиц (среди изготовительниц этих куколок встречаются, правда, и старые девы), поэтому описания «зайчика» обычно очень эмоциональны. «*"Зайчика подносили" на трапецию. "Зайчик" небольшой – от такой (15 – 20 см. – Соб.) ростиком. На ём бусы, платок шовковой, ленточку в волосы шовковую, зеркальце и колечко... Ёво делали из тряпецек. Всё сошьёшь из тряпецек-то да, да ишко ватки тут на ёво наложыши, да бус, да всёво, ох! <...> И носик, и ротик, и хвостик из ваты, всё одинако, белоё, да ой, добр був!... Как на ём бус всяких – да ой, как золотой весь заюшка! Да до чево красивой!..»* (зап. в 1992 г. от Марии Федоровны Ромашовой, 1910 г.р., д. Отрадное Вологодской обл., урож. д. Курковская [МИА 22: 6, боб.]).

жегодского р-на Вологодской обл., урож. д. Курковская [МИА 22: 6, боб.]).

Как и другие свадебные атрибуты, «заюшку» использовали многократно, передавая своим подругам и родственницам. Эта куколка являлась семейной или личной реликвией, напоминавшей о важном событии, поэтому рассказы о ее утрате обычно экспрессивны и личностно окрашены. Так бывает в случаях, когда речь идет об очень дорогих для человека вещах: подаренном матерью рушнике, венчальной иконе, посмертной «обряде» и т.п. «*А как же, хранили – такой красивой! Он у меня до-овго хранивсе со свадьбы! Потом не знаю – одной отдала подруге, свадьба тоже у ииё. Вот хоть, примерно, у меня свадьба прошла, я ево убрала. А потом пришла подруга: "Дай, я принесу! Дай да дай!" Я и подала. Унесла да унесла. А потом говорю: "Куда девали?" – "Да вот ешко той отдала!". Да той, да другой, усе таскали, таскали, совсем и умазали. Долго жалела тово "заюшка"...*» (зап. в 1992 г. от Марии Федоровны Ромашовой, 1910 г.р., д. Отрадное Вожегодского р-на Вологодской обл., урож. д. Курковская [МИА 22: 6, боб.]).

Кукла могла использоваться как предмет-посредник, своеобразный медиатор между женихом и невестой, а также их родами (родней). В некоторых случаях она предназначалась для одного из молодоженов, символизируя его знаковые функции в обряде: мужскую потенцию жениха или способность к деторождению невесты. Так, в Ветлужском у. Костромской губ. перед отъездом молодых квенцу «невеста причитает, а девушка в это время смешат жениха: делают солдатика или зайчика и ставят перед ним. Посмеются, девки уходят на волю и там пляшут под песню "Посеяли девки лен"» [Кузнецов 1899, 534].

В некоторых регионах на свадебном деревце помещали несколько кукол, которые по-видимому, символически обозначали вск девичью группу, в которую входила невеста. В Орловской губ. утром в день свадьбы жених обходил родню, созывая ее на гулянку. «*Родня собирается постепенно. Как дый приходящий из родных приносит хлеб соль. Кто-нибудь приносит "ветку". Это сосновая ветка о шести концах, вся уbrane куколками, завеской, бусами. У средней ку*

лы под сарафаном подвязан колокольчик, из-под завески торчит рушник. "Ветка" служит украшением свадебного стола. Когда едут к венцу, ее берут с собою и помахивают ею в воздухе. Колокольчик звенит – душу веселит. Чем свадьба богаче, тем "веток" больше» (зап. в дд. Горбуновка, Веретякино, Морево, Трубичино [Иваненко 1905, 111]).

Близкую символику имели куколки на свадебном деревце в некоторых селах Ульяновского Присурья. Правда, здесь они обозначали всю молодежную группу (девушки и парни), в которую входила невеста. «Эт тока на свадьбу нарижают "кусты"-та! <...> Завтре свадьба, а сядовни пайдут девки, пайдут рабяты к жынху, значит, у жынха просют веник. Веник – вон парицца, берёзовый. Ани ёё нарядют лентами всякими, канфетыми всякими. И вот эта-ки маленьки (с палец. – Соб.) куклёночки навешают на нёо на верх, на вершину, за всей ветке. Да. Хто их знат сколь? Чай-т ни считаши! Ну, там ни две! Боле, канешна! Ани и штанишках, ани и платьях. Ани какие-та были словна как базарны куплены. <...> На все ветки вот и навешают, яо всяво абрядют всякой всячинай: вот самыи "куклы", и канфетки, и ленты всякие. <...> А уш на другой день паднимают эт "кувыль", пают – наидяца, напьюца и напъяны тада в гармони заиграют и пайдут плясать. И встанут на лавку свахи и пают:

Кувыль, кувыль, кувалёчик,
Пайдём сходим ва лясочик,
Сарвём Дуни лапушочик,
Сашьём Дуни сарафан.
Наси, Дуня, ни марай, ни марай,
Па праздничкам, па праздничкам адяваи! –

вот так... <...> Да тех пор с ним пляшут, яо тряпают, што он – и канфетки на палитят, и ленты-ты рыстряпаюца. А патом ёо уш кинут куды там... А канфетки (и куколки. – Соб.), чай, рибитишки жы всё растаскают. Ну, их тут, чай, растряпали, када веник-т. Ани, чай, напападали на пал. "Кувалем" треплют, ани вить тут и падают. И дети сабирают тут всё и дома играли...» (зап. от Зинаиды Тимофеевны Желудковой, 1917 г.р., с. Араповка Сурского р-на Ульяновской обл. [МИА 76оп: Ф 2000-23 Ульян., № 36-38, 42]).

Екатерина Александровна Пушкирова, 1924 г.р., из д. Займа Пошехонского р-на Ярославской обл., демонстрирует один из вариантов изготовления свадебного «зайчика» [МИА 71оп: Ф 1998-46 Яр., № 21-23].

В старожильческих селах Поволжья на свадебное деревце («репей», «курник», «сад») нередко вешали куколки «жениха» и «невесты». «Эта на свадьби-т уш "репей" ныряжали. Репей сломяют (припасали как пиряд сварьбай) и ёво нарядяют всякими разными бумагами, навешают на нёо, штоб нарядный "репей" был. Эта девки наряжают "репей" невести...<...> И делали куколки всяки – наделают ды вешают. Всякии сделают этих шоб куклав-та. Вот и делали с гармошками с этими сделаныими из граммытик» (зап. от Анастасии Ивановны Потаповой, 1916 г.р., д. Русская Хомутерь Базарно-Сызганского р-на Ульяновской обл. [МИА 74оп: Ф 1999-06 Ульян., № 36]).

Фигурки молодых на свадебном деревце обычно символизировали их союз: это подчеркивалось тем, что куколки держались за руки, их связывали вместе и т.п. В Егорьевском у. перед отъездом к венцу перед молодыми «на стол ставят две пустыя бутылки, вставляют в них на свечки и нарезают их куклами, напоминающими музы-

ну и женщины, связывают вместе и свечки зажигают, атчаво в избе делыицы-ть душно, но избежать нельзя, в этам састашит будущая сястья маладых» [Диалектологические материалы 1920, 76–85 (с. Леки)].

Часто маленькие куколки украшали свадебный каравай даже в отсутствие свадебного деревца. «*Из теста накатают вот тоненъкии (жгутики. – Соб.) и нарежкали тестам. И калечки, и дажэ и человека ставили – наделяют из теста, да. Ни знаю, для чаво ет делали, ни знаю. Ну и зажигали свечки на этим, на пираге – таварог там всё делали, клали. Вот накатают картошкив и тыврагу накрошуть в нево, на эт накладуть. Пакроют сверху апять тестам, рассучут и вот апять сверху нарежкают всем...»* (зап. от Тимофея Афанасьевича Лобанова, 1918 г.р., д. М. Борисовка Инзенского р-на Ульяновской обл. [МИА 75оп: Ф 1999-25 Ульян., № 20]). Обычно это были фигурушки из теста, изображавшие держащихся за руки молодых. В Ростовском у. Ярославской губ. торговки специально для крестьянских свадеб изготавливали «пряничцы» – огромный пряник, украшенный фольгой, деревьями, цветами и куклами из теста

Свадебный пирог с фигурками держащихся за руки жениха и невесты в процессе изготовления. На пироге, приготовленном Пелагеей Ивановой Миллионовой, 1916 г.р., из с. Ясачный Сызган Базарно-Сызганского р-на Ульяновской обл., были также фигурки свахи и дружки, держащих над молодыми венцы, «сад» и «ворота» [МИА 74оп: Ф 1999-21 Ульян., № 32].

[Ушаков 1904, 161]. В славившемся гончарными промыслами селе Ясачный Сызган фигурки «жениха» и «невесты» изготавливались из необожженной глины и устанавливались у основания курника (зап. от Анастасии Ивановны Крайновой, 1929 г.р., с. Ясачный Сызган Базарно-Сызганского р-на Ульяновской обл. [МИА 74оп: Ф 1999-10 Ульян., № 58, 61]).

Как вещь, заменявшая в ряде обрядовых ситуаций невесту, кукла употреблялась и при сватовстве. При этом использовался образ «свадебного деревца». Так, в Череповецком р-не Вологодской обл. «если жениху отказывали и сваты возвращались ни с чем, наступали самые неприятные для жениха дни. В первую же ночь девушки своей деревни ставили перед «лазейкой» (дверь, ведущая с крыльца в сени) высокую жердь, к которой привешивали соломенную куклу с ляньными волосами, одетую в тряпье. Жениху ставили перед дверью столько жердей, сколько отказов он получил при сватовстве. Иногда жердь не ставилась, а куклу привязывали к скобе «лазейки»» [Супинский 1948, 40].

Поскольку как некий «двойник» невесты кукла часто ассоциировалась с выкупом невесты или места для нее, так мог называться персонаж ряжения, участвовавший в этом эпизоде свадебного обряда. Например, в Мордвиновской вол. перед отъездом к венцу дружка собирал деньги «к озолочению будущих молодых». «По окончании денежного сбора дружка подводит жениха и невесту за руку к столу, за который еще заранее садится наряженная «кукла» – кто-нибудь из родных невесты – и ковыряет лапоть или шьет без узла, не уступая места будущим молодым до тех пор, пока ей не дадут денег. Чтобы выкупить место, дружка берет ковш квасу, кладет на дно оного грош и копейку и, поднося «кукле», говорит:

Попей-ко, попей-ко,
На дне-то найдешь копейку,
А побольше попьёшь,
Ещё грош найдешь!

Выпив квасу и взяв из ковша деньги, «кукла» уступает свое место жениху и невесте, которые усаживаются в самый перед, положив под себя баранью шубу» [Гороховский 1898, 18]. Семантика названия «кук-

ла» в данном случае очень многозначна. Оно ассоциируется как с ряжением (кукольник – ‘ряженый’ в Архангельской губ.), так и с подменой, чем-либо ненастоящим (кукольный – ‘фальшивый – о деньгах’, Владимирская губ.) [СРНГ 1980, 43].

В качестве обрядового аналога невесты куколка выступала и в эпизоде «выставления заставы» на пути жениха к невесте (ср. выраж. «зайца закинуть» для «заставы» в с. Пятницкое Мосальского у. [Веденникова 1997, 103]). Соломенную куклу размером до сорока сантиметров, изображавшую «девушку в платочке» и сарафане из «какоо-то платна», ставили на стол посреди дороги. «Когда вот идёт жоних за невестой, дак сделают на “заставе” куклу... <...> А тут на “заставе” стол ли, чево ли вынесут да тут на столе поставят. <...> Нависят вот через дорогу полотенце, вот и жоних идёт, вот и останавливают, покупают. Хто “заставу” делает, тот покупает вино, наливает, а ёму деньги дарят... <...> Жоних вино пьёт <...> его угошают, а ён кидает деньги на торелку. А куковка на “заставе” тут и останецце... <...> Ну, это уш кото-ры богаты жонихи сделают, а бедным ничё ни делают». Кукле делали «лицо» из бумаги. «Дак маленько тут было на бумаге нарисовано: и глаза, и рот – всё, всё!..» (зап. от Прасковьи Кирилловны Соболевой, 1908 г.р., д. Мостовая Каргопольского р-на Архангельской обл. [МИА 73оп: Ф 1999-27 Арх., № 65]).

Еще один эпизод свадебного обряда, в котором активно использовалась кукла, – взаимное одаривание молодоженов и их родственников («дары дарить», «на сырь стоять», «сыр-каравай», «на поклон класть» и т.д.). В более старых версиях обряда это были, как правило, куколки из тряпок или корнеплодов, в более новых – крошечные покупные куколки-«голыши». «Хто хочет падарак падарить, если дениг нету, адну какуй-нить куклыку крохатную положить, а завернуть кучку бумаги. И будуть разварачивать, разварачивать, разварачивать – всё пыдарак том-та разварачивают. В канце канцов такай-та вот крохатная кукалка...» (зап. от Зинаиды Петровны Анисимовой, 1934 г.р., г. Болхов Орловской обл. [МИА 47оп: Ф 1999-01 Орл., № 49]). «Хто невесте дарит? Хто может: племен-

ница какая ли, сестрёнка (двоюродная сестра. – Соб.) ли, сестра ли – экие всё, свои. Свои. Дак покупные токо делали. Наряжали: платок красивой накидали. Ну. Как будто, как кукла – кукла. Ковды за стол сядут, принесли – и всё. Чё? Вить она небольшая, дак. <...> Товда дарили, штё это она замуж выходит, и на свадьбе дарили как робёнка – эт кукла. <...> Это уж всё давно. Ишо я девкой была, а я рано вышла замуж. У нас тятя пожилой был, дак. Я одна, дак. Как “домовика” (мужа. – Соб.) брали – домой...» (зап. от Прасковьи Федоровны Амосовой, 1904 г.р., д. Ивановский Починок Великоустюгского р-на Вологодской обл. [СИС Ф 2000-08 Волог., № 30]).

Наиболее распространенная символика преподносимых молодоженам куколок – это их будущие «ребятишки» («детки», «робёночек»): «Эт сыр-каравай – вот тада маладых прыздравляют. Эт уш все идут – сперва с яво стараны идут, эт на сыр-каравай дают. Патом с ие стараны идут. Ет уш иим там дают деньги. Деньги. Хто там матирял, хто вищами там (хто плачтъем, хто рубашкой), хто диньгами. Вот тут вот и пригаваривають иим: “Штоб вы адин аднаво любили, жили, жили мирна, дружсна. Сор мититя, а на улицу ни вынасия, чтобы люди-та (не знали. – Соб.) – штоб он, сор-т был в избе, а слух-та ни визьде”. Вот так вот... Ну уш жалают тям: “Вот вам, – дают кагда деньги-т, – вот на ребятишках, вот нам на житье, на бытие, и для ребятишычкыв вот вам!”. Куклу кагда припаднясуть, вот иим дарять и пригаваривають... Вот тут хто есть чудной, то он – там все ды упаду!» (зап. в 1993 г. от Екатерины Ивановны Савостиной, 1913 г.р., с. Борки Шацкого р-на Рязанской обл. [МИА 39: 26б.]). Именно символикой деторождения, видимо, мотивируется тот факт, что куклу обычно дарят невесте. «Покупают-то какии дак, такую сделают куклу и вот невесте-то и подарят. Невесте-то и подарят эту куклу-то. И теперь, на-вэрна, есть уж эта...» (зап. от Анастасии Яковлевны Тихоновой, 1930 г.р., с. Красная Сосна Базарно-Сызганского р-на Ульяновской обл. [МИА 75оп: Ф 1999-25 Ульян., № 53]).

В Вашкинском р-не Вологодской обл. церемония одаривания называлась «кукол-

ку подавать», «куколку приносить». «Там сделают от парняка, куколку какуу-нибудь сделают – настоящая кукла (там набирают иё – как делают куклы вот игрушечные-то, из магазина), придут вот, принесут. Вот там им подают, што вот што: "Вам надо таких-то вот родить-то всё!". Што вот, вроди: "Я вот в такую далину ехала, да вот насили дождалася, да вот и мне подарили, дали, ак вот наа вам отдать!". Наздobiaюще так, наздobiaюще в такоо платьё (к)акоо-нибудь такоо вот широкое, большоо ли, приидёт и роскланяюще, и молодым подаваэт тода» (зап. в 1994 г. от Елены Петровны Христофоровой, 1912 г.р., д. Мытчиково Вашкинского р-на Вологодской обл., урож. д. Артovo [МИА 24: 24об.]). «На второй день свадобляна, своёто, кто на свадьбе был, подносили куколку. Сделают куклу. Там имя дают. Потом заста(в)ят невесту – газет наверят, а куколка и вся вото какая! (маленькая. – Соб.) – это невеста и разбираёт, потом жониху подаваёт. Жоних берёт, цолует эту куколку (наперед-то невеста, а потом жоних). При этом «говорили чё-то, а не знаю чё...» (зап. в 1994 г. от Александры Яковлевны Моховой, 1910 г.р., д. Мытник Вашкинского р-на Вологодской обл. [МИА 25: боб.-7]). «Ой, да как не дарят! Да-а. Дарят! Ковда молодые сидят в свадьбу за столами, им подарок приносят... Другой раз дак видь многоо ихх найдёт-то, дак эти, все с подарками, дак. А хто принесет эту, куклу. Вот скоко у нас у этой, у Гальки в лете ой, как подарок принесли, дак он изукрашен такой! Мы думали, тамока золото накладено или чево ли. Дак до тово они доразвёртывали! До тово они доразвёртывали! Дак где они и платков-то скоко набрали! И платки-ти всё новые, да всё там и нет чёво. Пощупают, да шо там эко мягко, да и розкроэшь, да и нет чево да эка. Розвёртываешь эта, потом такая куколка изукрашеная и, да и нагая! Ага. С косоньками, дак! Ой! Мы все засмиелись!.. Вот нонешнюю, нонешнюю (свадьбу. – Соб.). А старинных – это же раньше не было. Вот. Раньше не было... А для смеху всево-то. А посмеюще хоть...» (зап. от Веры Александровны Согриной, 1921 г.р., д. Лазаревская Каргопольского р-на Архангельской обл., урож.

д. Кузьмины Горы [МИА 73оп: Ф 1999-27 Арх., № 14].)

В Великоустюгском р-не «сначала "дары дарят", а потом это и куклу дарят. Из любово материала делают. Кто делает такую хорошую: сошьёт платьё и всё – а кто-то завертит и шаль такую... А у нас куклу делали: делают экой как мешочек. Не особо большую. Ну, до локтя-то будет. Сначала сошьют там, набьют чем-нибудь. И здися всё так, как у меня: и грудь, и всё. И руки пришьют, и ноги к этому месту, а потом сарафанчик, платье шьют. Теперь-то дак штё? Покупное! А раньше-то есть не было этого... Ей голову-ту так делали: раньше вить не додумались, штё волосы были можно приделать-то. Этот лён, такоё повесмо, да так росчешут, эта-ка пройдут, и эту половину загнут; и там косочку заплетут (кудель пришьют надо лбом и загнут назад. – Соб.), а тамо-ка заплетут косу. Ну а сверху там платочек. Вот это у нас бывало... Это уш сватья делает, сватья, которая сватаэт. Та уш и дарит. Раньше вить рукodelницы были, теперь ницё ни делают... (Кукла. – Соб.) закрытая полотенцем ли, чем ли. Просто так полотенцё накинено вышитоё, вот так раздилено (на груди. – Соб.)¹. И дают: "Вот вам приплод!" – жениху с невестой приплод. Вот иё и посадят тут в сундук угол тоже с собой, подадут им. А потом оне пойдут, куклу унесут и всё. Куды иё девают? Можком, тут же иё и бросят сразу, куды иё...» (зап. от Манефы Павловны Нечаевой, 1918 г.р., пос. Полдарса Великоустюгского р-на Вологодской обл., урож. д. Пожарище [СИС Ф 2000-19 Волог., № 31]).

Как «пожелание молодым счастья и потомства» истолковывались преподносившиеся им куколки в терской станице Червленая. Три куколки, «изображающие собою казака в полной форме, казачку и маленькую куклу, как бы казачка-мальчишку», вывешивались во время свадебного стола на самом почетном месте – под образами [Маякин 1891, 134].

Кукла как вещь, связанная с идеей «парности» и двойничества, в той или иной мере воплощающая копию человека или его

¹ Небольшое полотенце, соразмерное кукле, накидывалось ей на голову и спускалось по груди.

души, прекрасно передает ключевые цели свадебного обряда. Отсюда многочисленные парные фигурки, символизирующие как самих молодых, так и их будущее потомство. Эта семантика отражается в названиях: «близняшки», «барин» и «барыня», «молодые» и т.п. Такие свадебные куколки изготавливали из лоскутков или выпекали, ими нередко украшали свадебный пирог или каравай. Чаще всего этот подарок сопровождался желаниями быстрого зачатия и многочисленного потомства. «*Кады дарять, на свадьби прям (дары там дарять, ну от: каму ру баҳу, каму чаво), эт пякуть "жениха" и "нивесту", "барина" и "барыню". Вот тут прыздравляют, тут и дают эти куклы-ти, штоб дети были... Пякуть из теста сваи, канешна, радня: хто дваяшкыв слепить, хто траяшкыв – всё штоб чудно было...*» (зап. в 1994 г. от Варвары Ивановны Барановой, 1902 г.р., с. Казачья Слобода Шацкого р-на Рязанской обл. [МИА 40: 27]). «*Ираныш делали, и раныш: куколка, а тут и пустышечка. Иныэ ишио шутливы, дак и парочку сделают: "Это для вас двойники-и! Перву ночку двойнички-и! Сын да дочь...". Две куколки: одну шьют как парнечок, а другую девушкой. Снаредят, завёрнут в чё-нить пустушечку тут и невесте подадут. А она распечатывают. Увязут нитками: та-ак хорошо увязут, што долго распечатывать. А распечатат – и поглядеть не на што! Хоть похочут...*» (зап. от Марии Николаевны Барановой, 1919 г.р., д. Низкая Грива Павинского р-на Костромской обл. [МИА 69оп: Ф 1996-24 Костр., № 31, 32]).

Ассоциативная связь свадебных куколок с потомством и плодовитостью молодоженов могла порождать и иные интерпретации. Например, в Поволжье куколка, преподнесенная невесте во время одаривания («на поклон класть»), иногда воспринималась как знак ее «нечестности». По старым обычаям «эт ни положына, куклу-ту. Если куклу-ту исделают, значит, в положении девка выходит. Это ужэ упрёк какой-т!..» (зап. от Анастасии Яковлевны Тихоновой, 1930 г.р., с. Красная Сосна Базарно-Сызганского р-на Ульяновской обл. [МИА 75оп: Ф 1999-25 Ульян., № 53]).

Впоследствии эта обрядовая куколка обычно доставалась детям. «*Ковды за стол*

(после венчанья невеста. – Соб.) седет, товды дарили. Да. Это подружки. Подружки, конешно. Из тряпочек, дак из тряпочек побольше делали, гли-ко. Да. Поукуратней, покрасиве... Цево она делала? Нечево не делала после тово. Тоже не стала хранить. Поставила, да и стояла. Стояла куковка всё. А потом уж робята, буде, пойдут, дак товды изломают. Это робяташка играть и будут потом. Куда её?..» (зап. от Прасковьи Федоровны Амосовой, 1904 г.р., д. Ивановский Починок Великоустюгского р-на Вологодской обл. [СИС Ф 2000-05 Волог., № 88–89]). В некоторых случаях куколка предназначалась строго определенным лицам, например младшей сестре жениха.

Аналогична семантика свадебных куколок и при одаривании других участников обряда. Так, в Шацком р-не Рязанской обл. обычай дарить стряпухе «карман» с куклой был известен в большинстве сел, расположенных на берегах р. Цны. Старая обрядовая символика этой детали женской одежды могла, по-видимому, вызывать ассоциации с женским органом. «*Куклу на карман, ну эта куфарки дают – вроди как главная, щоб какая пависилее щоб была... Проста такую всю из матиряля сашьют, там платью всяку хорошу, там иё разрисуют, эта тожи*» (зап. в 1995 г. от Домны Яковлевны Карасёвой, 1914 г.р., с. Польное Ялтуново Шацкого р-на Рязанской обл. [СИС 18: 44об.]). Куколка использовалась при шуточной пляске стряпухи и в некоторых случаях отождествлялась с ней самой или с невестой. В с. Польное Ялтуново на вечеринке «*карманы сашьют всем своим гостям, хто поздравлять, – им дают (во время "сыр-каравая". – Соб.). В карман паложуть с пяток канфеткыв. Поздравлять, а ей карман. А стряпухи – куклу пришишьют к карману, этай дают с куклаю. Патаму шта ана стряпасть, кухарка. Там такую разукрасют! Разукрасют иё и навьют ей кудрюшки, (как невесте. – Соб.). От ана, када палучить, всем гостям и паказывать: "Вот, сматрите, какова у миня барыня! Вот какая у миня куфарачка!" Ну, эт с причудыми*. Шляпку кукле делали из тряпки, с полями (зап. в 1995 г. от Евдокии Ивановны Маликовой, 1918 г.р., с. Польное Ялтуново Шацкого р-на Рязанской обл. [СИС 18: 67об.]). В некоторых вариантах возникает

мотив «волшебной помощницы», известный по волшебным сказкам. «*Стряпухе куклу давали. Эта ей помощница: "Вот у миня какая помощница, я бы сама ничё ни сделала!"*» (зап. в 1995 г. от Анны Сергеевны Межориной, 1911 г.р., с. Конобеево Шацкого р-на Рязанской обл. [СИС 19: 52]).

Пляска стряпухи, которая использовала при этом подаренную ей невестой куклу, – важный эпизод свадебного пира. В с. Польное Ялтуново «*с ней пляшить, висилица, играть, да той пары дапляшица – упадеть, хлыщица*» (зап. в 1995 г. от Евдокии Ивановны Маликовой, 1918 г.р., с. Польное Ялтуново Шацкого р-на Рязанской обл. [СИС 18: 67об.]). Этот эпизод обычно приурочивался к началу или концу свадебного пира (к «сыр-караваю») – в зависимости от того, когда стряпухе преподносили «карман» с куклой. В д. Токарево именно пляска стряпухи служила сигналом к началу свадебного застолья.

Атмосфера второго дня свадьбы, насыщенная эротизмом, предполагает и соответствующую символику употребляемых при этом кукол. Часто обыгрывается мотив «небрачного потомства, ребенка или иного «быстро приплода», появляющегося уже после первой ночи. В Северном Прикамье утром второго дня «молодоженов, подняв с постели, затаскивали в баню, протопленную вениками, где их ждали гости. В углу бани сидел мужик, наряженный свахой (с покрытой платком или одеялом головой), и качал на руках куклу, запеленутую в тряпки (или полено). При этом он исполнял колыбельную "по-матерному"... После появления молодых он говорил: "Молодые всю ночь целовались-миловались, им жарко было, а ребеночек у них замерз! Надо ребеночка попарить и имечко ему дать". Затем мужик накидывал на себя, словно ризу, одеяло, бросал куклу в банный тазик, ходил вокруг него, размахивая "кадилом" (лапоть или рукомойник с тлеющим куриным пометом или лошадиным навозом). Одновременно "поп" пел пародийную молитву с припевом "Алихуха, алихуха!". Таким образом куклу "крестили" и давали ей имя: "Ебишка", "Скоробишка", "Ивашка". Напоследок всех присутствующих обрызгивали водой с пеленок» (зап. в 1986 г. К.Э. Шумовым от П.Д. Зару-

бина, 1904 г.р., и Н.И. Шаламова, 1911 г.р., д. Усть-Уролка Чердынского р-на Пермской обл. [Шумов, Черных 1996, 176–177]).

В других вариантах свадьбы это может быть кукла или полено, обозначающие какую-либо домашнюю живность (например «тёлка») [ШЭС 2001, 121]. В различных инсценировках второго дня часто фигурировали кукла или чучело. Например, в с. Чаадаевка Ульяновской обл. изготавливали куклу женщины из полена и ходили с ней по домам, выпрашивая угощение (зап. от Прасковьи Дмитриевны Власовой, 1914 г.р., с. Базарный Сызган Ульяновской обл., урож. с. Чаадаевка Базарно-Сызганского р-на [МИА 74оп: Ф 1999-24 Ульян., № 36]).

На юге Рязанской обл. наряду с птичками («пичужками»), представлявшими собой разновидность фигурного печенья, свадебный каравай нередко украшали человеческими фигурками – куклами, изображавшими местных персонажей ряжения на святыни и на второй день свадьбы: «жених» и «невеста», «барин» и «барыня», «пастух», «русланка». «*Ну, как жы ни ставили кукалки-ты? Миня уш атдавали, куклу-т пикли ни-бальшую – с ладонь. <...> Из теста, канешна!. Я сама ни знаю, как ани там иё сделали, а сделыли куклу и пылажили иё на стол, на тарелку. <...> Да. Ну, вроди бы для смеху сделыть иё, паложуть ...*» (зап. от Марии Дмитриевны Конышевой, 1930 г.р., с. Парсаты Шацкого р-на Рязанской обл. [МИА 46оп: Ф 1997-30 Ряз., № 49]). «*На первый день, когда отгуляют, когда "сыр-каравай", то "пичужки" втыкают в круглый пирог и вместе с ними две куколки – мужскую и женскую фигурки. Выносит пирог женихова сваха: "Счас сыр-коровай будет!". Подносит к молодым, а все тем временем хватают "пичужек". Сваха наливает две рюмки, подносит по очереди гостям и говорит: "Сыр примите, а блюдечко озолотите!". Гости выпивают и кладут подарок, а молодые целуются. Пирог потом съедают, а с пичужками пляшут на второй день. Куколок после отдадут кому-нибудь из детей*» (зап. в 1997 г. от Полины Андреевны Стрельниковой, 1927 г.р., в с. Черная Слобода Шацкого р-на Рязанской обл. [СИС 14:13]).

В Кировской обл. «разгонный пирог» с вткнутыми в его верхнюю корочку елочками

ми и разными фигурками подавали перед отъездом молодых к венцу. Причем его целиком должен съесть дружка, после чего свадебный поезд отправлялся в церковь [Поздеев 1998, 325]. В Юрьевском у. Владимирской губ. в свадебный каравай («куличку» или «рошу») в виде плоской сдобной лепешки, украшенной различными фигурами из теста, втыкали деревянные палочки различной длины, обвитые разноцветной бумагой. Лепешка изображала «землю», а палочки – деревья и кусты. Под кустами помещали склеенный из бумаги домик, а в него – сделанных из бумаги и тряпочек кукол, изображавших «лесничего» с семейством. Кукла «лесничего» держала в руках дощечку с распоряжением о продаже «леса». После свадебного застолья начиналась церемония продажи «леса» и «земли», сопровождавшаяся песнями и шутками. Каждое проданное «дерево» вытаскивали из «земли» под звуки «дубинушки»: «Вот у нас свекор-то богатый, гребет денежки лопатой! Эй, дубинушка, ухнем!». После распродажи «леса» жених должен был выкупить «землю», затем невеста разламывала лепешку на куски и раздавала всем присутствующим [Харузина 1914, 179–181].

Характерен мотив ритуальной борьбы за фигурки на свадебном каравае или пироге между гостями со стороны жениха и со стороны невесты и последующее одаривание ими детей, по-видимому использовавших их во время кукольных игр в свадьбу. «*Ну, каравай – эт пекли-и! Пичужких втыкали. Ну, вот лучинка и иё – тада видь в магазинных бумага разна прадавалась – вот иё пакуали, резали (вот как щас снижинких вывязали), вот иё резали и вот эти лучинки авёртывали. Патом вот пекли такой пирог, в форми («каравай». – Соб.). И вот этыт пирог весь утыкали этими вот лучиничками. А тут ишё шили куклы – вродь "жиниха" и "невесту". Из тряпкав сашьёт и кырандашом глаза ей нарисуить, нос, рот. И штаны йиму – жиниха-т сделають в штанах!* Эт в центре («каравая» ставили. – Соб.)... <И вот> их схватывали как-та, схватывали эти вот самцы, пичужски, с этава, с каравая, радня и жиниха, и невесты. Эт пачти што как расхадица. Сибе куда-нить там, в волысы куды ваткнуть и

пляшуть. И эт старались схватить: "жиниха" старались схватить невестина радня, а "барыню"-ту – эт женихова радня. Ну, вот эт схватить, у коу, может, (дети есть. – Соб.) придёт дамой, дивчонкам играть атдасть... Вродь чудили над мыладыми, ума давали...» (зап. в 1994 г. от Акулины Анисимовны Рожковой, 1907 г.р., и Прасковьи Григорьевны Секачевой, 1916 г.р., с. Черная Слобода Шацкого р-на Рязанской обл. [МИА 43: 21-21об.]).

«Пичужки» и куколки в рязанских версиях обряда функционально соответствуют свадебному деревцу, которое нередко устанавливалось в центре каравая. Вокруг последнего также разыгрывались различные состязания с участием родственников молодых. Так, в Поволжье крестные жениха и невесты состязались, кто перетащит на свою сторону свадебное деревце-«березку», воткнутое в каравай-«курник». «*Вот "курник" – на второй день нарежут вот такими вот (кусочками. – Соб.) и вот ёо, значит, падают на передний стол. Подадут и сразу в эт пирог втыкают берёзку – нарядют цветочками, тряпочками такими цветными вот. И иё воткнут в пирог, в "курник". Да. Втыкают эт ветычку – эта крестная и крестны. И жэниха, и невесты. Привяжут две нитки. Вот за один конец крестны невестины, а за другой жениховы. И вот они держут. Вот они эт разделют нитычки: одну в один конец, другую в другую – и вот запевают уж песню. Вот: "В поли берёзынька стояла, / Во поли кудрявая стояла, / Люли, люли стояла, / Люли, люли стояла. / Некаму бирёзу заломати, / Некаму кудряву заломати...". И вот в эта время-та, как споют вот "заломати", оне стараюца: то та хрёсна, то другая дёрнуть-ты – кака быстрай дёрнит. Да – хто вперёд дернит. Тада, значит, та хрестна победила: "Ну, наша победила!". Значит, если невестина хрестна: "Ну-у, эта будет жэних подчиняца невесте!"...» (зап. от Зинаиды Степановны Огольцовской, 1919 г.р., с. Верхняя Маза Радищевского р-на Ульяновской обл. [МИА 75оп: Ф 1999-30 Ульян., № 2–4]).*

Несколько иная символика характерна для куколок – свадебных «разгонников». Они в большей мере связаны с семантикой духов-попечителей рода, «родичей», «пред-

ков», что в большинстве региональных версий свадьбы проявлялось в виде шествий и бесчинств ряженых на второй день. Именно они символически завершали свадебный обряд в доме жениха, в первую очередь свадебное застолье. В сс. Федосово, Ялтуново Шацкого р-на Рязанской обл. и их окрестностях куклы из теста, тряпок, глины или даже из дерева величиной до полуметра могли выставляться на свадебный стол независимо от каравая. По многим признакам они напоминали куклу, которую в других местах преподносили молодым во время «сыркаравая» (обряда одаривания молодых). Причем если тряпичной кукле шили специальный наряд, то у глиняных, деревянных куколок и фигурок из теста обычно выделялось лишь две детали: шляпа и кнут или метла в руках. «Эта уш хто этим занимница. Эта бываить, примерна, такая висёлая-развеселая. Вот ана эту и састряпнать чилавечка тата. А нектрыи из глины делают, а некатрыи из теста делают. И вот он стаить, митла у няво, значит: "Вымятиси все!". А потом вот выкинуть яво, а если из теста, атпадут каровам там» (зап. в 1995 г. от Екатерины Семеновны Улиной, 1907 г.р., с. Польное Ялтуново Шацкого р-на Рязанской обл. [СИС 19: 29]).

В других случаях полуметровую куклу, изображавшую мужскую фигурку с кнутом, в этом селе выпекали в четверг перед свадьбой, т.е. в тот же день, когда выпекался свадебный каравай. «Такую "русалку" пили из теста, с полметра. Яво из преснава теста – как пресна пышка, на малаке, яичка туда талкануть, смажнуть, щёб он был красивый, жолтый. Глазки так (ваткнуть крыжовничик), галава и всё. И шляпу сделают на галаву – всё из теста. И кнут – яво с кнутом и пякнуть, так-т он ни удержицу. Всё эта испичать и блюдуть. Эт пякнуть в четверг на свадьбинной нидели. В четверг испякнуть, закроють яво, в утиричку чистую завярнуть и на печку с краюшки пасодют, и он и сидить, пакамесьть свадьба прайдеть. <...> Ставить кукла, и вот с кнутом. А эта, (если эту куклу. – Соб.) ни пададуть, всю ночь сидять. (На первый день. – Соб.) свякры – хто там стяпнать, том и нисёт. И вот ставют яво на стол. А кады выходють из стала, и все ламают ат ниво – там ни разбирёшь тады чаво...»

(зап. в 1995 г. от Надежды Арсентьевны Мироновой, 1910 г.р., с. Польное Ялтуново Шацкого р-на Рязанской обл. [СИС 16-16об.]). Разламывание и поедание гостями «русалки» также, по-видимому, сопровождались ритуальной борьбой «за лучший кусок».

Один из вариантов «разгонщика» в с. Польное Ялтуново внешне напоминал кукольный театр. Здесь полуметровую куклу показывали гостям из-за перегородки, отгораживающей кухню от комнаты, где происходило застолье. «*Ну, из тряпых куклу вот такую сделають (бальшая, парядашна кукла) – и с запаном, и всё. Эт в первый, в первый день – наденуть вон иё, вон аттолъ пакажуть. А ана с жычины (т.е. с прутиком. – Соб.) стаить – вродь разгнанять. Пакажуть, а ани, гости-т: "Наверна, надать нам расхадица!". Вот и начнуть эту песню: "Ни парали нам, рыбята, чужой пиву пить, / Ни парали нам, рыбята, сваей наварить?". Вот так – эт щоб ани скарей ушли...*» (зап. от Агафии Алексеевны Кузякиной, 1908 г.р., с. Польное Ялтуново Шацкого р-на Рязанской обл., урож. д. Токарево [МИА 43: Ф 1995-07 Ряз., № 11]).

Итак, с точки зрения предметного кода свадебного обряда кукла является универсальной вещью-«персонификатором», наглядно демонстрирующей взаимодействие главных действующих лиц свадьбы и уточняющей семантику связанных с ними обрядовых ролей. С помощью данного предмета выявляются культурные смыслы, определяющие внутреннее и внешнее перевоплощение основных персонажей свадьбы. Но в первую очередь это касается невесты как ключевого женского персонажа данного обряда, которому при помощи куклы транслируется важная информация по материнской (женской) линии: сохранение и поддержание плодородия, знаний и умений, связанных с «женской магией».

В этом смысле показательны зафиксированные в сказочном фольклоре куклы-помощницы, передававшиеся матерью девушке-невесте и помогавшие ей преодолеть опасности лиминального периода. В поздних версиях обряда сохраняется обычай передачи свадебных куколок девочкам-родственницам невесты, что, по-видимому, так-

же должно было магически способствовать успешному замужеству и обеспечить высокую степень fertильности всех женщин «рода» (отсюда азартное соревнование за обладание свадебными куклами между представителями молодоженов). Ценность этого предмета продолжала осознаваться носительницами традиции вплоть до последнего времени, а пародийно-комическое его употребление в рамках свадебного ряжения, символизировавшего присутствие на свадьбе «всего рода», в том числе духов-покровителей и «предков», лишь подчеркивало его высокий статус.

Литература

Бернштам 1982 – *Бернштам Т.А.* Обряд «расставание с красотой» (к семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 38. Л., 1982. С. 43–56.

Веденикова 1997 – *Веденикова Н.М.* Фольклор Калужской губернии в записях и публикациях XIX – начала XX в. Вып. 1: Народные обряды и поэзия. М., 1997. (Рус. традиц. культура; № 4–5).

Ветлужская сторона 1996 – Ветлужская сторона. Фольклорный сборник / Сост. А.В. Кулагина. Вып. 2. Кострома, 1996.

Гороховский 1898 – *Гороховский В.* <Этнографические сведения о крестьянах Владимирской губ., Гороховского и Вязниковского у.>. Свадьба, свадебные обряды. Занятия и обычай жителей. 1898 [РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 18].

Дайн 1981 – *Дайн Г.Л.* Русская народная игрушка. М., 1981.

Денисова 1995 – *Денисова И.М.* Вопросы изучения культа священного дерева у русских: материалы, семантика обрядов и образов народной культуры, гипотезы. М., 1995.

Диалектологические материалы 1920 – Диалектологические материалы, собранные В.И. Тростянским, И.С. Гришкиным и др. Подготовил к печати и снабдил примечаниями А.А. Шахматов // Сборник Отделения русского языка и словесности РАН. Т. 95. Пг., 1920. С. 1–158.

Иваненко 1905 – *Иваненко Н.П.* Сватанье (Орловской губернии) // Живая старина. 1905. Вып. 1 – 2. С. 107–140.

Карнаухова 1934 – *Карнаухова И.В.* Сказки и предания Северного края. М.; Л., 1934.

Кузнецов 1899 – *Кузнецов Я.* Свадьба в Хмелевицком приходе Ветлужского уезда Костромской губернии // Живая старина. 1899. Вып. 4. С. 531–534.

Маячкин 1891 – *Маячкин Г.* Станица Червлёная, Кизлярского отдела Терской области // Этнографическое обозрение. 1891. Кн. 8. С. 113–136.

Материалы по свадьбе 1926 – Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926.

Ончуков 1998 – *Ончуков Н.Е.* Северные сказки. СПб., 1998. Кн. 1.

По заветам старины 1997 – По заветам старины. Материалы традиционной народной культуры Вожегодского края / Сост. И.С. Попова, О.В. Смирнова. Под. ред. А.М. Мехнечова. М., 1997.

Поздеев 1998 – *Поздеев В.А.* Свадебный обряд и его поэзия // Энциклопедия земли Вятской. Т. 8: Этнография, фольклор. Киров, 1998. С. 313–329.

Рождественский 1899 – *Рождественский И.* <Этнографические сведения о крестьянах Владимирской губ., Владимирского у., с. Семеновское>. Рукопись. 1899 г. [РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 8].

СРНГ 1980 – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. Вып. 16. Л., 1980.

Супинский 1948 – *Супинский А.К.* Обряд северо-русской свадьбы. 1948 [РО ИРЛИ. Р. 5. К. 148. П. 1. № 1].

Ушаков 1904 – *Ушаков Д.Н.* Сведения о некоторых поверьях и обычаях в Ростовском у. Ярославской губ., извлеченные из «Словаря ростовского говора» В. Волоцкого // Этнографическое обозрение. 1904. № 2. Кн. 61. С. 161–166.

Харузина 1914 – *Харузина В.Н.* Свадебное печение «роща» // Этнографическое обозрение. 1914. № 3 – 4. С. 179–181.

Шаповалова 1984 – *Шаповалова Г.Г.* Культ дерева в русском свадебном обряде и свадебной лирике // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 179–186.

Шаповалова, Лаврентьева 1985 – *Шаповалова Г.Г., Лаврентьева Л.С.* Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья. Л., 1985.

Шумов, Черных 1996 – *Шумов К.Э., Черных А.В.* Беременность и роды в традиционной культуре русского населения Прикамья // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 175–191.

ШЭС 2001 – *Морозов И.А., Слепцова И.С., Гилярова Н.Н., Чижикова Л.Н.* Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань, 2001. (Рязан. этногр. вестн.; № 28).

Сокращения

МИА – личный архив И.А. Морозова. Шифр в скобках состоит из номера полевой тетради и номера страницы. Для фонограмм (Ф) даны указания на год записи, номер кассеты и номер текста на ней.

РО ИРЛИ – рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом).

РЭМ – Российский этнографический музей.

СИС – личный архив И.С. Слепцовой.